

оказались более чем в десяти милях от своих спутников. А они так разгорячились погоней, что загнали своих коней, и пали их кони мертвыми. Остались они все трое пеши, а впереди виден им был тот олень, обессиленный и весь в пене.

– Как нам поступить? – сказал король Артур. – Плохо наше дело.

– Давайте пойдем пешком, – предложил король Уриенс, – будем идти, пока не встретится нам какое-нибудь жилище.

Вскоре увидели они, что олень лежит на берегу большой реки и гончая сука терзает ему горло и другие собаки сбегаются к тому месту. Затрубил король Артур в рог и заколол оленя.

Потом огляделся король и видит: плывет по широкой реке маленькая барка, вся, до самой воды, убранная шелками. Подплыла она прямо к ним и причалила к песчаному берегу. Король спустился к воде, заглянул в барку, но не увидел там ни живой души.

– Сэры, – позвал король, – ступайте сюда! Посмотрите, что в этой барке.

Забрались они все втроем в барку и видят, что она и изнутри богато увешана шелковыми полотнищами. К тому времени спустилась уже черная ночь, и тут вдруг засияли вокруг них сто факелов по бортам, и стало светло. И вышли к ним тогда двенадцать прекрасных дев и, упав на колени, приветствовали короля Артура, величали его по имени, говорили: «Добро пожаловать, чем богаты мы, лучшего просим у нас отведать». Король поблагодарил их. И тогда они отвели короля и его товарищей в прекрасный покой, и была там скатерть, богато уставленная всем потребным для трапезы, и потчевали их там всеми винами и яствами, каких только могли они пожелать. Король же сильно этому дивился, ибо никогда не угощался он лучше, чем за этим ужином. Когда поужинали они в свое удовольствие, уложили короля Артура в прекрасном покое, и богаче, роскошнее убранства не видывал король в своей жизни; также и короля Уриенса проводили и уложили в другом столь же богатом покое; а сэру Акколону третий покой отвели, где убранство было такое же роскошное и богатое. Возлегли они на мягкие ложа и в недолгом времени уже уснули и спали чудным глубоким сном всю ночь.

Поутру проснулся король Уриенс – а он в Камелоте, дома у себя на постели, в объятиях жены своей Феи Морганы. Пробудившись, очень он дивился тому, как мог попасть домой, ведь накануне вечером он был в двух днях пути от Камелота.

Король же Артур, пробудившись наутро, увидел, что находится в мрачной темнице, и вокруг него слышались стоны и пени несчастных рыцарей.

7

– Кто вы такие, что стенаете так? – спросил король Артур.

– Нас тут двадцать рыцарей-узников, из нас иные пробыли в заточении восемь лет, иные же более, а иные менее.

– За что же? – спросил Артур.

– Сейчас мы поведаем вам, – сказали рыцари. – Владелец здешнего замка, сэр Дамас, – коварнейший из рыцарей, он лжив, он изменник и к тому же трус, каких свет не видывал. И есть у него младший брат, славный и доблестный рыцарь по имени Онтлак. Предатель же этот Дамас, старший брат, не желает делить с ним свои земли, признает за ним лишь только то, что тот добудет доблестью рук своих. Вот сэр Онтлак и держит, доблестью рук своих отстаивая от него, прекрасное имение и богатое; там и живет он честно и благородно, и любим всеми. Господина же нашего, сэра Дамаса, не любят, ибо он жестокосерд и труслив; и издавна идет между ними нескончаемая война. Но Онтлак всегда одерживал верх и постоянно вызывал сэра Дамаса на бой один на один, но тот на поединок не шел, и тогда его брат предложил ему выставить вместо себя другого рыцаря, который согласился бы сразиться за него. На том порешили, и сэр Дамас повелел сыскать охотника среди рыцарей, но он так был всем ненавистен, что не находилось среди рыцарей охотника за него сразиться.

Когда увидел Дамас, что нет среди рыцарей охотника за него сражаться, укрылся он в засаде со многими рыцарями и всех рыцарей этой страны стал хватать без разбору. Он брал их силою и препровождал в эту тюрьму. Так он и нас схватил, когда ехали мы на поиски подвигов, и много добрых рыцарей уже умерли тут в темнице голодной смертью – числом восемнадцать рыцарей. Если бы хоть кто-либо из нас, здесь сидящих или прежде сидевших, согласился бы биться с его братом Онтлаком, он освободил бы нас всех; но оттого, что Дамас этот – такой коварный преда-